

зации. Мы можем констатировать, что в своей совокупности первичные и вторичные средства ритмизации являются характеристикой индивидуального авторского стиля.

Список литературы

1. Гумовская Г.Н. Ритм прозаического текста: проблемы, поиски, решения // Сборник научных трудов М.: РИПО ИГУМНО, 2008. Вып. 11. С. 4–36.
2. Калачева С.В. Стих и ритм. М.: Знание, 1978.
3. Калашникова А.Р. Средства первичной ритмизации публицистических текстов (на материале газетной публицистики) // Lingva mobilis. 2013. №5. С.125–141.
4. ЛЭС /гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
5. Чичерин А.В. Ритм образа. М.: Сов. писатель, 1980.

* * *

1. Gumovskaja G.N. Ritm prozaicheskogo teksta: problemy, poiski, reshenija // Sbornik nauchnyh trudov M.: RIPO IGUMNO, 2008. Vyp. 11. S. 4–36.
2. Kalacheva S.V. Stih i ritm. M.: Znanie, 1978.
3. Kalashnikova A.R. Sredstva pervichnoj ritmizacii publicisticheskikh tekstov (na materiale gazetnoj publicistiki) // Lingva mobilis. 2013. №5. S.125–141.
4. LJeS /gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sov. jencikl., 1990.
5. Chicherin A.V. Ritm obraza. M.: Sov. pisatel', 1980.

Primary and derived means of rhythm building as the basis of the individual author's style

There are considered the primary and derived means of rhythm building in prosaic publicity texts. There are revealed the peculiarities of organization of rhythmic models at the level of over-phrasal unities in different articles by one and the same author. There is made the conclusion that as a whole the primary and secondary means of rhythm building are characteristic for author's individual style.

Key words: *rhythm, syntagma, rhythmic model, over-phrasal unity, text.*

(Статья поступила в редакцию 6.11.2014)

С.М. РУДОМЕТОВА
(Волгоград)

ОСТРОВНЫЕ ЦОКАЮЩИЕ ГОВОРЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Проанализировано современное состояние цокающих говоров Волгоградской области. Представлены фонетические, грамматические и лексические особенности говоров с. Краишева Еланского района и с. Перещепного Котовского района; выделены традиционные южнорусские черты и признаки, которые обнаруживаются в исходных говорах Рязанской Мещеры.

Ключевые слова: *островные говоры, территориальная изоляция, цоканье, южнорусские говоры, мещерские говоры.*

Говоры с. Перещепного Котовского района и с. Краишева Еланского района Волгоградской области входят в группу волжских говоров, являются южнорусскими по своим базовым характеристикам. При этом рассматриваемые говоры заметно отличаются от тех, что их окружают, т. к. являются островными, территориально изолированными, цокающими. Жители обоих сел – переселенцы из Пензенской губернии. В середине XVII в. предки перещепновцев и краишевцев переселились из рязанской Мещеры в Пензенскую губернию, а уже оттуда перебрались в Поволжье [3, с. 29]. Впервые говоры с. Перещепное и Краишево были обследованы Л.М. Орловым в 50-е годы XX в., повторное их исследование, уточнение и дополнение некоторых данных было проведено Р.И. Кудряшовой в 1980 г. В 2009–2011 гг. студенты и преподаватели ВГСПУ в рамках диалектологических экспедиций осуществили повторное исследование этих говоров.

Поскольку перещепновский и краишевский говоры имеют южную основу, то в области предударного вокализма, наряду с аканьем, для него характерно яканье. Однако тип яканья у рассматриваемых говоров различен. В перещепновском говоре – умеренное яканье: ...*задяваю калодис и паливаю вядром, у сястре*. В краишевском же говоре наблюдается умеренно-ассимилятивное яканье: ...*кали жанились мы, тады вичарянки были*.

В обоих населенных пунктах нами зафиксирован переход ударного [а] в [о] в некото-

рых лексемах: *...пасодють нивесту и пають: «лито-ка, мая пташка...»* (Перещ.); *теста разволють на формам; заплотють, тады пайду* (Крш.). В некоторых словах зафиксирован переход ударного [а] между мягкими согласными в [е]: *...у мец иурали*.

В современном говоре отмечается яркая черта в области вокализма – произношение [и] на месте [а] предударного слога в начале слова: *ипяць привязуть правнука мне; ибязательна схадити туда*; в некоторых случаях наблюдается полная редукция начального гласного в этой позиции: *ни бязатильна, быкнавенный был, дикалон* (Перещ.). Такое произношение [и] на месте [а] второго предударного слога в начале слова встречается на территории восточных среднерусских акающих говоров [5, с. 53] и в медведицких говорах Волгоградской области [3].

В области консонантизма отметим такие южнорусские черты, как произношение фрикативного γ (*сыурали сватьбу интиресную, друх жиняха*), регулярен переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [у] неслоговой, а на месте [в] в начале слова перед согласным обычно является слоговое [у] (*узварик; улей-ка им памаленьку, вирёуцками диржались*). В некоторых словах говора с. Перещепного иногда (крайне редко) сохраняется замена звука [ф] на [х]: *хо'рмы* (для выпечки) *были из жести*. В говоре с. Крайшева более частотна замена звука [ф] на [х], [хв]: *кохта, хундамент у дома, сарахваны ишли*.

В говорах обоих сел наблюдается звучание сочетания звуков [шн] вместо [чн] (общерусская черта): *Кашу эткую молошную к нарыву прикладывали, зауранишнаи платки* (Крш.); *сякий папирешный знать, кирпишный поури*. (Перещ.).

Одна из наиболее ярких особенностей, присущих рассматриваемым говорам, – твердое цоканье: *пец, цаво хошь, цулки* (северная черта). С давних пор с. Крайшево называют «Цукреспубликой», а с.Перещепное – «Цавокино село». За жителями закрепились прозвища «цуканы» – в Крайшево и «цекуны» – в Перещепном [2, с. 522].

В современном состоянии перещепновский и крайшевский говоры постепенно утрачивают твердое цоканье. Если в говоре с. Перещепного у представителей старшего поколения оно еще сохраняется, то в речи жителей с. Крайшева в настоящее время представлено довольно мало. В произношении на месте литературного [ч], помимо [ц], звучит так-

же твердый звук [ч]: *йих приехало ч'этьвира, с нач'офкай* (Крш.).

Местные жители стесняются такой яркой фонетической особенности своей речи и стараются не контактировать с жителями других населенных пунктов. Мы предполагаем, что сохранению до сегодняшнего дня этой яркой, исконной для мещерских говоров фонетической черты – цоканья – поспособствовал именно фактор закрытости, изолированности говора.

Помимо долгого твердого шипящего, ранее уже отмечавшегося в исследованиях [3, с. 30], в экспедициях последних лет мы заметили еще один вариант: произношение на месте мягкого литературного [ш'] сочетания твердых звуков [шч]: *...ишчалцки – эта трава, надавишь и ишчолкаить, ...у яшчыки – фсякая краска*.

В с. Перещепном сохраняется особое произношение свистящих мягких согласных [з'', с'']: *и''пишьми''и* [спишемся] *и ходим у гош''ти, ...кусаим ж''ёрна*. В говоре с. Крайшева такой особенности нами зафиксировано не было. В некоторых словах с. Перещепного перед таким «шепелявым» свистящим отпадает начальный согласный [в]: *ж''яли* [взяли], *...тада уавела и''а* [вся] *и''ило*. Жители села часто повторяют слова *и и''ёк!* 'и все!' в качестве частицы. Даже если в остальных словах свистящие произносятся без особенностей, то в этом слове обязательно будет звучать «шепелявый» [ш'']: *...блинцык – он тонинькай, а кислый – у налиц талишыной и и''ёк!*

Нами была зафиксирована полная ассимиляция в сочетании «шипящий+ свистящий» в говоре с. Перещепное: *...ни наслухаисси – какии свадьбы были! ...пирату – ни наи'сси*.

В говоре с. Перещепного был отмечен также процесс диссимилиации звуков: *...анбар – эт у нас пристройка для хлеба; канпот варили из сухафруктаф*. Сохранилось в говорах и часто встречается произношение [j] на месте [ф']: *...дейки маладыи тут* (Перещ.), *развадили слийкими* (Крш.).

Кроме вышеперечисленных явлений, характерных для перещепновского и крайшевского говоров и отмечавшихся в исследованиях прошлых лет, нами зафиксированы некоторые фонетические черты, о которых не говорилось ранее. Эти особенности являются, вероятно, вновь приобретенными уже на местной почве. Например, наблюдаются особенности в произношении сонорного [р]. В одних случаях звучит мягкий [р'] на месте твердого литературного (*в сорок перьвам вирнулись*). В дру-

гих случаях произносится твердый [р] на месте мягкого литературного: *грыбы есть* (Перещ.), *стрыґули ножницами* (Крш.).

Таким образом, было установлено, что в говорах обоих сел сохраняются традиционные фонетические особенности, которые были отмечены ранее. Часть их обнаруживается в материнских (исходных) говорах рязанской Мещеры: цоканье (*пецка, лавоцка, доцка*), особое произношение свистящих мягких согласных [з', с'] (*ш'пишыми'и* [спишемся], *кусаим ж'ёрна*), произношение [j] на месте [ф'] (*дейки маладыи, картой* [картофь, картофель] *рыли*), другие черты – собственно южнорусские: яканье, произношение фрикативного γ, переход [в] в [у] неслоговой, а на месте [в] в начале слова перед согласным – слоговое [у].

Выделим черты, не отмеченные ранее: «смещение» \р\ и \р'\, которое свойственно многим южнорусским говорам, переход (видимо, лексикализованный) ударного [а] между мягкими согласными в [е] (*у ред сажали*), переход ударного [а] в [о] в некоторых лексемах. Это типично южные черты.

Грамматические особенности говоров двух сел можно свести к следующему.

Нами зафиксирован переход существительных среднего рода в женский: *мать ишыла розаваю платью* (Перещ.), *теста ни крутая далжна быть* (с. Крш.).

В говоре с. Перещепного – особенности образования формы множественного числа у некоторых существительных: с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы] (*тыквя, плетня*) и окончание *-ай* у прилагательных мужского рода независимо от места ударения, в том числе на месте литературного *-ий* (*струцок уорькай, балгарскай, тонинькай*). В краишевском говоре таких особенностей не зафиксировано.

Встречаются также в речи перещепновцев и краишевцев особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б]: *...эт я сайе купила*, (Перещ.), *они тшаво хочеш тае сделають* (Крш.).

В говоре с. Краишево в речи местных жителей употребляются энклитические формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах: *мя, ты*.

В говорах обоих сел глаголы в 1-м лице настоящего времени регулярно произносятся с переносом ударения на основу, и при этом, как правило, отсутствует чередование на сты-

ке основы и окончания, характерное для литературного языка: *...я не бре'шу, вот што боуу, што вам* (Перещ.), *палецу яво* (Крш.).

Синтаксические особенности говоров сохраняются в речи старшего поколения до сегодняшнего дня. В говорах обоих сел частотное употребление постпозитивной частицы *-ти* после любых частей речи.

Приведем несколько примеров из материалов экспедиций 2009–2011 гг. Употребление постпозитивных частиц после указательных местоимений: *Витушки такими-ти нарежись и у печенякл.* (с. Крш.); после существительных: *Мух-ти то много у доме* (Крш.), *Дейки-ти, садитись на стулья', стайма ни стойтя* (Перещ.); после глаголов: *вадицки пустили-ти, муцыцы всыпали-ти и теста мисили* (Перещ.), *скапнили-ти сено* (Крш.).

Обращает на себя внимание особенность употребления предлога *край* в синтаксических конструкциях обоих говоров: *край миня сидят с талкушками, раскатками* (Перещ.); *мы с нем мурили палтара уода, у нас край двара сидели, лавацки не была* (Крш.). Лексема *край* в рассматриваемых нами говорах употребляется в функции предлога, соответствующая литературным *возле, около, рядом*. Если в литературном языке этот предлог функционирует как устаревший, то в обоих селах он активно употребляется в речи местных жителей. Данная лексема не зафиксирована в Словаре русских народных говоров.

Несмотря на то, что местные жители осознают отличие своей речи от литературной, стесняются вести беседы с приезжими людьми, в говоре сохранились не только фонетические и грамматические, но и лексические особенности, в которых отражаются культура и традиции жителей цокающих сел Волгоградской области.

Лексика в перещепновском и краишевском говорах преимущественно южнорусская. Но встречаются и севернорусские слова, зафиксированные с подобным значением в «Словаре русских народных говоров»: *заручение* 'сватовство', *гуня* 'самодельная кукла', *косники* 'узкие полоски из лент', *запон* 'вид женской одежды' и др. В говоре с. Перещепного встретилась лексема *гарба* 'телега для сена', которая пришла непосредственно из говора рязанской Мещеры (по данным «Словаря русских народных говоров»), что вполне объяснимо с точки зрения истории формирования рассматриваемых цокающих говоров.

Основная часть рассмотренных лексем бытует и в других южнорусских диалектах с теми же значениями, что и в рассматриваемых говорах (*ватола* 'одеяло из шерсти', *запой* 'свадьба'), некоторые слова зафиксированы также в среднерусских диалектах (с теми же значениями: *витушки* 'обрядовое изделие из теста', *анучки* 'тоненькие блины'), что, скорее всего, является результатом того, что Волгоградская область – территория позднего заселения, практически все говоры здесь являются вторичными. Волжские говоры формировались в условиях пестрого заселения. Зафиксированы нами также уникальные лексемы (*мурить* 'дружить парню с девушкой', *шпиль* 'собрание молодежи'), которые не отмечены в «Словаре донских говоров Волгоградской области». Отметим, что в количественном соотношении уникальных лексических единиц в с. Перещепное значительно больше, нежели в с. Крайшево.

Исследование показывает, что наряду с общераспространенными, литературными названиями одежды, продуктов питания, бытовых предметов в говорах функционируют местные диалектные слова. В рассмотренных тематических группах лексики обоих сел наименования одежды, обуви, предметов труда и наименования пищи лишь в некоторых случаях повторяют друг друга, в целом же имеют разные наименования в селах. Так, к примеру, наименования пирогов и пирожков: в с. Перещепное – *заунибушки*, которое является собственно-диалектным, а в с. Крайшево – *каныши*, которое бытует и в других говорах; названия бус: *жерелки* – в с. Крайшево, *верст-ки* – в с. Перещепное.

В результате исследования полученных лексических данных можно установить, что говоры обоих сел, которые восходят к одному пензенскому говору, а еще ранее – к говору рязанской Мещеры, в своем современном состоянии имеют по большей части разную лексику.

Перещепновский и крайшевский говоры по своей основе являются южнорусскими, но включают в себя некоторые севернорусские черты. Уникальные грамматические, синтаксические и лексические особенности, присутствующие перещепновскому и крайшевскому говорам, как представляется, обусловлены тем, что говоры с. Перещепное и с. Крайшево являются изолированными, островными. Из этого следует, что говоры обоих сел сохраняют свои типичные языковые, исконные черты и в современности.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 2000.
2. Кузнецова Е.В. Цокающий волгоградский говор: на материале экспедиции 2009 г // Вопросы краеведения. Вып. 13. Материалы XXI и XXII краеведческих чтений. Волгоград, 2012.
3. Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 1997.
4. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области: учеб. пособие / Л.М. Орлов. Волгоград: ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984.
5. Русская диалектология / под ред. Касаткина Л.Л. М.: Академия, 2005.
6. Словарь русских народных говоров /Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Словарный сектор. М.: Наука, 1965 – 2011. Вып. 1 – 43.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
8. Словарь Донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е. В. Брыкина, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.

* * *

1. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka: v 4 t. M.: Rus. jaz., 2000.
2. Kuznecova E.V. Cokajushhij volgogradskij govor: na materiale jekspedicii 2009 g // Voprosy kraevedenija: materialy kraevedcheskih chtenij. Vyp. 13. Materialy XXI i XXII kraevedcheskih chtenij. Volgograd, 2012.
3. Kudrjashova R.I. Slovo narodnoe. Govory Volgogradskoj oblasti v proshlom i nastojashhem: ucheb. posobie. Volgograd: Peremena, 1997.
4. Orlov L.M. Russkie govory Volgogradskoj oblasti: ucheb. posobie / L.M. Orlov. Volgograd: VGPI im. A.S. Serafimovicha, 1984.
5. Russkaja dialektologija / pod red. Kasatkina L.L. M.: Akademija, 2005.
6. Slovar' russkih narodnyh govorov /Akad. nauk SSSR, In-t rus. jaz. Slovarnyj sektor. M.: Nauka, 1965 – 2011. Vyp. 1 – 43.
7. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / RAN, In-t lingv. issled.; pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M.: Rus. jaz.: Poligrafresursy, 1999.
8. Slovar' Donskih govorov Volgogradskoj oblasti / avt.-sost. R.I. Kudrjashova, E. V. Brykina, V. I. Suprun; pod red. prof. R. I. Kudrjashovoj. Izd. 2-e, pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.

Insular clattering dialects of the Volgograd region: modern condition

There is described and analyzed the modern condition of clattering dialects of the Volgograd region. There are represented the phonetic, grammar and lexical peculiarities of the dialects of Kraishhev, Elan district, and Pereshchepnyi, Kotovo district. There are marked out the traditional South Russian features and the signs that are revealed in the original dialects of the Ryazan Meshchera.

Key words: *insular dialects, territorial isolation, clattering, South Russian dialects, Meshchera dialects.*

(Статья поступила в редакцию 22.01.2015)

И.С. ВОЛОШИНА
(Тюмень)

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОМОНИМИЧНОГО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ТЕРМИНА

Предпринята попытка провести статистический анализ естественнонаучных омонимичных терминов физики, химии и биологии для подтверждения объективной достоверности результатов лингвистического описательного анализа межнаучной омонимичности термина. Автор ставит своей целью определение степени понятийной общности всех трех терминологий.

Ключевые слова: *межнаучная омонимичность, естественнонаучный термин, понятийная общность, лингвостатистический анализ.*

Терминологическая омонимия в данном исследовании рассматривается в рамках семиотического подхода в аспекте языковой оппозиции «симметрия/асимметрия». Долгое время принцип симметрии основывался на учении Ф. де Соссюра о системности языковых явлений и считался основным принципом организации языка [8; 9]. Дальнейшее развитие языковой категории системности показало, что в развитии языка отмечаются как системные, так и несистемные (асистемные, асимметрич-

ные) закономерности. Существенным вкладом в разработку проблемы языковой асимметрии и выделения типов асимметричных отношений на разных уровнях языка являются работы С. О. Карцевского [5], Г. П. Мельникова [6], В. Г. Гака [2; 3], Л. Г. Зубковой [4], И. Н. Пономаренко [7] и др. Так, В. Г. Гак, развивая выдвинутое С. О. Карцевским положение о формально-семантическом расщеплении слова, выделяет два вектора развития асимметрии языкового знака: ядро/периферия и означающее/означаемое. Согласно разработанной В. Г. Гаком концепции, «асимметрия в соотношении означаемых и означающих проявляется в сфере системы, структуры и функционирования» [2, с. 47], опираясь на уровневую классификацию В. Г. Гака, мы рассматриваем отношение формы и содержания термина-знака на лексическом уровне и исследуем категорию структурной асимметрии. Структурная асимметрия является наиболее распространенным типом языковой асимметрии и характеризуется «нарушением взаимодозначного соотношения означаемого и означающего» [Там же].

Итак, предметом нашего исследования является омонимичность естественнонаучного термина в научном дискурсе. Омонимичность терминов химии, физики и биологии обусловлена процессом развития их как разветвлений самой древней области знания – химии. Современное естествознание характеризуется тенденцией к объединению различного рода научных направлений, что выражается во взаимопроникновении научных терминов. Все естественнонаучные дисциплины опираются на теоретические основы друг друга, используют общие законы и методы исследования. Например, химические свойства любого вещества определяются физическими свойствами его атомов и молекул, а биологические особенности жизнедеятельности живых организмов связаны с физическими механизмами, лежащими в основе их организации. Выбор этих наук обусловлен их общим происхождением, фундаментальным значением для человечества и постоянным взаимодействием в повседневной жизни. Состоявшаяся терминология этих областей знания и большое количество междисциплинарных исследований свидетельствуют о наличии межнаучных омонимичных терминов.

Естественно предположить, что совпадающие по форме физические, химические и био-